

Научное приложение. Вып. ССXLVII

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Дерево в мировой мифологии	12
Культ деревьев на Руси	19
Ель в мировой мифологии	24
«Родины нашей питомица скромная»: Елка в русской народной традиции	41
Петровский указ 1699 года и его последствия	48
«Мы переняли у добрых немцев детский праздник»: Рождественское дерево в России первой половины XIX века	54
Русская елка во второй половине XIX века	68
«Милая немецкая затея»: освоение елки в России	68
«Там детство рождественской елью топорщится»: праздник рождественской елки	73
«В нашей школе тоже елка зажжена»: публичные елки	91
Мифология русской елки	95
«Неувядающая, вечнозеленая, благостыня Божия»: елка как христианский символ	95
«Христово дерево»: литературные легенды о рождественской елке	99
«Елка и ельник»: двойственность символики русской елки	106
«А на елку не мешало бы и проклятие наложить!»: полемика вокруг елки	108
Псевдонародная елочная мифология	113
Украшение елки. Елочные игрушки	122
Елочные подарки и их дарители	153
Пособия для проведения елки	165

<i>Праздник елки в художественной литературе</i>	172
Детские елки	172
Сюжет «чужая елка»	178
«Ель» Андерсена в русской традиции	191
Главная песня о елке: «В лесу родилась елочка...»	196
Елка в русской жизни на рубеже XIX–XX веков	206
История елки после Октября 1917 года	224
<i>Елка в годы Гражданской войны и послевоенной разрухи</i>	224
«Стал я безродным, какое же мне Рождество?»: <i>Рождественская елка русских эмигрантов</i>	233
<i>Антирождественская кампания. Борьба с елкой</i>	239
<i>Елка «в подполье»</i>	245
«Реабилитация» елки	247
«Предложение тов. Постышева»	247
Легенда о человеке, подарившем елку советским детям	253
<i>Елка Ильича</i>	264
«Праздник радостного и счастливого детства в нашей стране»	279
«Мы весело пляшем у елки большой»	289
«Пусть детишки помнят праздник»	296
Мифологические персонажи праздника елки	303
Дед Мороз	303
Снегурочка	328
Литература	351

ОТ АВТОРА

Когда я работала над этой книгой, меня не раз с удивлением спрашивали, как мне пришла в голову мысль сделать предмет своего исследования елку. Действительно, наряженное еловое деревце, стоящее в доме на Новый год, кажется нам столь естественным, само собой разумеющимся, что, как правило, не вызывает никаких вопросов. Подходит Новый год, и мы по усвоенной с детства привычке устанавливаем его, украшаем и радуемся ему. А между тем обычай этот сформировался у нас относительно недавно, и его происхождение, его история и его смысл, несомненно, заслуживают внимания.

Мой научный интерес к елке возник в середине 1980-х годов, когда я занялась изучением истории и художественных особенностей русского святочного рассказа. Собирая материал по этой теме, я обратила внимание на то, что до начала 40-х годов XIX века святочные рассказы использовали мотивы, связанные с русскими народными святками (гаданье, ряженье, всевозможная «святочная чертовщина» и пр.), в то время как рождественские мотивы оставались в них совершенно незатронутыми. Однако начиная с этого времени и далее — в течение всего XIX и начала XX столетия — рождественская тематика в произведениях, приуроченных к зимнему праздничному циклу, стала разрабатываться столь же часто и столь же охотно, как и святочная. При этом во многих рождественских рассказах важную сюжетную роль начинает играть образ елки.

Для того чтобы понять смысл этого образа и его роль в рождественских текстах, мне необходимо было уяснить историю елки в России. И тут обнаружилось, что, несмотря на большое количество исследований, посвященных зимним

праздникам русского народного календаря, святочным, рождественским и новогодним обычаям, работы о елке в России практически отсутствуют. Ее происхождение, ее история, смысл и символика до сих пор во многом остаются неизученными. По-видимому, это объясняется тем, что западный обычай использовать на Рождество хвойные деревья, как правило, не привлекал к себе внимания этнографов и фольклористов. Они либо вообще о нем не упоминали, либо же говорили вскользь как об обычае, явно не заслуживающем внимания из-за своей молодости и некоренного происхождения.

Едва ли не единственной попыткой разобраться в вопросе о елке явилась адресованная воспитателям и родителям популярная книжка, вышедшая в Петербурге сто с лишним лет тому назад. Ее автор, священник, педагог и литератор Б. Быстров (известный под псевдонимом Е. Швидченко), писал:

В наше время обычай зажигать на святках елку для детей все более и более распространяется по России. Редкая школа даже по деревням и редкий частный дом в городах не устраивает в это время для детей елки. Все уже так привыкают к этому обычаю, что без елки святки — не в святки, рождественские праздники — не в праздники [507: 3]¹.

Недостаток этнографических и исторических работ о елке в России с лихвой восполняется громадным, буквально неисчислимым литературным материалом. Это стихотворения, рассказы, очерки о рождественских праздниках (которыми с середины XIX столетия стали заполняться святочные и рождественские номера газет и журналов), а также дневники и мемуары, авторы которых, вспоминая годы своего детства, как правило, не только не забывают рассказать о первых «елочных» впечатлениях, но, наоборот, описывают их тщательно и подробно. Занимаясь историей елки в России, я убедилась в том, насколько эта история сложна, интересна и поучительна.

¹ Здесь и далее ссылки на литературу даются в тексте в квадратных скобках. Первое число означает номер, под которым произведение значится в списке литературы, помещенном в конце книги, а второе (курсивом) — страницу. При необходимости римской цифрой обозначается том.

В наше время новогодняя или рождественская елка представляет собой совершенно ординарное, привычное и всем хорошо знакомое явление. В последние десятилетия этот обычай распространился по всему миру и постепенно усваивается даже нехристианскими народами, в том числе и живущими на территории нашей страны. Однако процесс «прививки елки» в России был долгим, противоречивым, а временами и болезненным. Этот процесс самым непосредственным образом отражает настроения, пристрастия и состояние различных слоев русского общества. В ходе завоевания популярности елка вызывала восторг и неприятие, полное равнодушие и даже вражду. Прослеживая историю русской елки, можно увидеть, как постепенно меняется отношение к этому дереву, как в спорах о нем возникает, растет и утверждается его культ, как протекает борьба с ним и за него и как елка наконец одерживает полную победу, превратившись во всеобщую любимицу. Нетерпеливое ожидание елки детьми и ее явление в Рождественский сочельник или в новогодний вечер становится одним из самых счастливых и памятных переживаний ребенка. Елки детства запечатлеваются в памяти на всю жизнь.

Как сможет убедиться читатель, излагая историю и мифологию русской елки, я широко использую как документальные свидетельства о ней (мемуары, дневники, газетную и журнальную информацию), так и художественные тексты (прозаические и стихотворные). Я понимаю, что последнее обстоятельство может вызвать недоумение: разве можно при воссоздании истории того или иного явления полагаться на художественный вымысел? Это недоумение вполне оправдано. Постараюсь объяснить свою позицию. Во-первых, литературные произведения не в меньшей, если не в большей, степени, чем документальные тексты, предоставляют возможность проследить, как возникали и не раз менялись приписываемые елке символические значения. Мифология елки создавалась и поддерживалась в большой мере именно художественной литературой. Во-вторых, собирая материал о елке, я не раз убеждалась в том, что если в литературном произведении описываются те или иные подробности праздника елки, то это означает, что они уже вошли в жизнь.

Так, например, если в печати появляется стихотворение, рассказывающее о празднике елки в детском приюте, то это свидетельствует о том, что в детских приютах уже начали устраивать елки. Если в том или ином рассказе мимоходом сообщается, что под елкой или на рождественской магазинной витрине установлена фигура старика с елкой, можно не сомневаться, что в обществе уже возникло представление о Деде Морозе как главном «елочном» персонаже. И наконец, если в каком-нибудь рассказе конца XIX века упоминается о висящей на елке электрической гирлянде, то это значит, что помимо традиционных свечей при освещении дерева уже начали использовать электрические лампочки. Разумеется, с подобного рода «художественной информацией» я старалась обращаться как можно осторожнее, хотя использовала ее достаточно широко.

Излагая материал, я привожу множество цитат, зачастую довольно объемных. Нетерпеливый читатель может спокойно их пропускать (они, как правило, выделены в отдельные абзацы), следя за развитием сюжета. Тот же, кто любит подробности, характеризующие как эпоху, так и описывающего эти подробности человека, может получить (как мне хочется надеяться) такое же удовольствие от этих цитат, которое получала от них я. Так, например, читатель встретится с воспоминаниями о семейном изготовлении елочных игрушек. Такие рассказы убеждают нас в том, сколь цепкой и прочной оказывается человеческая память, позволяющая много лет спустя до мельчайших деталей воспроизводить процесс делания китайских фонариков; как хранят руки ощущения от прикосновений к выпуклостям и извилинам орехов, которые золотились этими руками десятилетия назад; как губы, много лет назад отдувавшие легкие, сияющие листки тончайшей серебряной и золотой бумаги, помнят ласковые прикосновения этих листков.

Обычай устраивать на зимних праздниках елку тесно связан с исконным в мировой мифологии культом деревьев. Поэтому я начинаю свой рассказ о русской елке кратким обзором, посвященным образу дерева у разных народов, после чего следуют очерки о мифологии ели. Эти части моей работы не претендуют ни на новизну, ни на полноту: дереву как

одному из самых универсальных мифологических образов посвящено множество серьезных исследований.

Сюжет о русской елке в основном излагается в исторической последовательности, хотя иногда мне приходилось то забежать вперед, то возвращаться назад. Заключается книжка очерками о главных «елочных» персонажах — Деде Морозе и Снегурочке, историю формирования которых в русском сознании я стремлюсь проследить с самого начала и до настоящего времени. В последние два десятилетия мы явились свидетелями (а в определенной степени и участниками) глобальных перемен в нашей жизни. Эти перемены не могли не отразиться и на елке. Современная елка требует специального исследования. Мною эта тема почти не затронута.

Я писала эту книгу для всех, кому может оказаться интересной судьба русской елки, и мне хотелось, чтобы она была понятна всем: и школьникам, и студентам, и уже немолодым людям, которым она напомнит, быть может, их детские новогодние праздники. Адресуясь к так называемому широкому читателю, я тем не менее сохранила весь справочный аппарат, для того чтобы каждый заинтересованный в истории елки в России смог обратиться к источникам, которые я использовала, и для того, чтобы каждый желающий смог продолжить, дополнить и исправить мое исследование.

В процессе работы мне помогали многие люди — справками, участием, заинтересованностью в теме моего исследования. Всех здесь не перечислить, но к каждому из них я испытываю чувство глубокой признательности.

Научный интерес к елке поддерживался и подогревался моим личным отношением к ней. С тех пор как я помню себя, ее образ присутствует в моем сознании. Я помню свою первую елку, которую мама устроила для меня и моей старшей сестры. Было это в конце 1943 года в эвакуации, на Урале. В трудное военное время мама все же сочла необходимым доставить своим детям эту радость. С тех пор в нашем доме ни одна встреча Нового года не проходила без елки. Среди украшений, которые мы вешаем на нашу елку, сохранилось несколько игрушек с тех давних пор. К ним у меня особое отношение.

ДЕРЕВО В МИРОВОЙ МИФОЛОГИИ

Одухотворение и почитание деревьев, вера в то, что деревья являются живыми существами, в которые перешли души умерших, и что боги выбирают себе те или иные деревья для того, чтобы жить в них, издавна были свойственны всем народам. Переселившись в дерево, духи защищают человека от злых сил и неблагоприятных природных явлений. Существовали представления о «духе» или «душе» дерева. Их необходимо было «уважать соблюдением всех ритуальных требований от момента срубания живого дерева до момента его окончательной гибели» [241: 13].

Дерево воспринималось «носителем жизненных энергий, связывающих в единое целое мир человека, природы и космоса» [406: 12]. В зависимости от географических и климатических условий, а также местных традиций возникал культ дерева определенной породы, а вместе с ним и поддерживающие его обычаи. Объектом поклонения могли быть дуб, сосна, кипарис, ясень, эвкалипт и прочие деревья, в наибольшей степени характерные для той или иной климатической зоны. При этом считалось, что духи находят себе пристанище по преимуществу в наиболее раскидистых и высоких деревьях [см.: 159]. Особое предпочтение обычно отдавалось вечнозеленым растениям: сосне, ели, можжевельнику, кипарису и другим, поскольку, согласно бытовавшим верованиям, наполненность вечной силой проявляется в них в большей степени, чем в деревьях лиственных.

Благоговейное отношение к вечной зелени известно с древнейших времен. В Греции главным священным деревом считался кипарис, в Риме поклонялись фиговому дереву

Ромула, а также кизилу, росшему на склоне Палатинского холма. Признаки увядания этих деревьев вызывали чувство ужаса, поскольку их засыхание, утрата ими свежести воспринимались как болезнь живущего в дереве духа, который заболевает и умирает вместе с деревом [см.: 482: 131]. Во многих первобытных культурах порубка деревьев в запретные дни и их порча расценивались как преступление, убийство: виновник гибели дерева подвергался жестокому наказанию [см.: 241: 11–13]. Поэтому индейцы, например, использовали для хозяйственных нужд только те деревья, которые упали сами. Вдыхание дыма горящих ветвей священного дерева могло вызвать временную одержимость, которая, как считалось, наделяла человека способностью к предсказаниям [см.: 482: 8–11].

Стремясь получить от дерева поддержку, люди совершали различного рода обряды, в которых проявлялось поклонение ему и почитание его. Иногда ритуальные действия совершались вне дома, за пределами «домашнего» пространства. Люди шли в лес, в поле или к источникам, где росло почитаемое ими дерево или группа деревьев (священная роща, лес), которые могли служить предметом культа в течение многих лет или даже десятилетий: «...священное дерево, растущее возле источника, — явление едва ли не универсальное в религиозной практике» [337: 8].

Иногда культовое дерево срубали и использовали в праздничных процессиях, неся его впереди шествия. В результате само дерево погибало, но уверенность в том, что его использование, по существу «участие», в церемонии благотворно скажется на судьбе людей, побуждало из года в год повторять этот обряд. Умершее дерево, согласно верованиям, не теряло своих магических свойств и после окончания празднества — его увядшей листве и стволу приписывалась способность благотворно влиять на судьбу человека: излечивать больного, повышать урожайность зерна, плодородие скота и людей, охранять человека от опасности. Поэтому по окончании обряда использованное дерево сжигали, пепел развеивали по полю, а уголья употребляли для лечения людей и скотины. Как пишет Т. А. Агапкина, «дерево, его

части и предметы из него широко используются в семейной, календарной, хозяйственной и окказиональной обрядности и магии, а также в народной медицине» [5: 60].

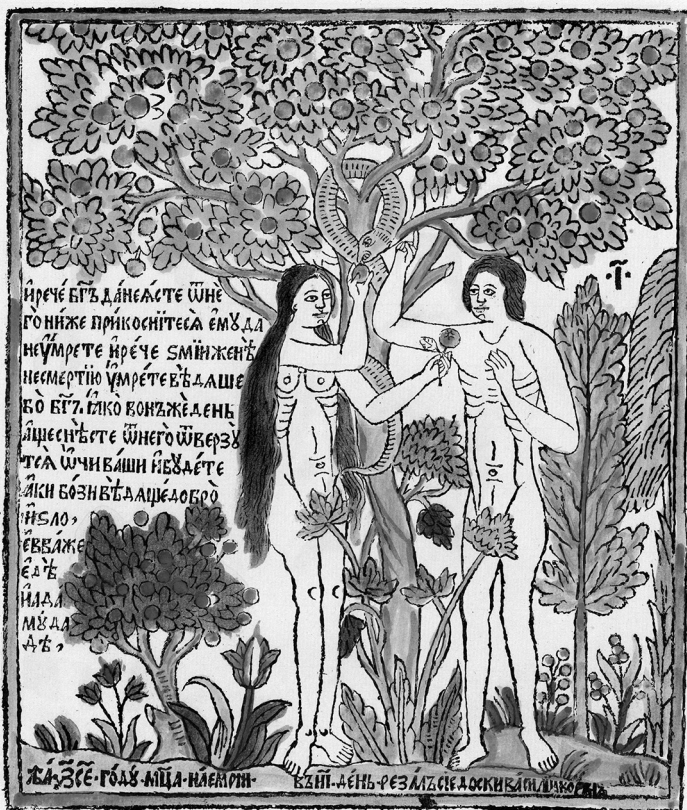
Культовое отношение к деревьям обычно связывалось с определенным праздничным сезоном. Так, например, египтяне в день зимнего солнцестояния украшали дома зелеными пальмовыми ветвями; римляне во время празднования сатурналий прикрепляли к ветвям деревьев зажженные свечи; то же самое в дни рождения «нового солнца» за 2000 лет до нашей эры делали и друиды — жрецы древних кельтов. В Европе в первый майский день был распространен обычай поклонения «майскому дереву» (высокому, ярко украшенному шесту), которое в конце праздника сжигалось. Грузины к 31 декабря заготавливали для очага грабовые дрова и «чичилаки» (толстые ветки мелкого орешника), служившие у них ритуальным новогодним деревом, символом изобилия. В Сванетии на Новый год в доме обычно устанавливалась березка. У других кавказских народов ель и береза (береза с орехом или ель с дубом), поставленные рядом, рассматривались как средоточие жизненных сил, воплощение символики оплодотворения — как соединение мужского и женского начал [см.: 406: 12]. Молодежь кавказских горских евреев ночью в первый день весны шла в лес на поиск «шам агажи» («дерева-свечки»), которое срубали, разводили из него костер, прыгали через него и при этом пели [см.: 507: 15].

У ряда европейских народов во время рождественского сезона издавна использовалось рождественское (или святочное) полено — громадный кусок дерева, колода или пень, которые зажигались в очаге в первый день Рождества и понемногу сгорали в течение двенадцати дней праздника. Согласно распространенному верованию, бережное хранение кусочка рождественского полена защищало дом от огня и молнии, обеспечивало семье обилие зерна и помогало скотине легко выносить потомство. В качестве рождественского полена использовались еловые или буковые деревья. У южных славян это так называемый бадняк (*серб.-хорв.* бадгъак) [см.: 454: 127–131], у скандинавов — *juldlock*, у французов — *le bûche de Noël* (рождественский чурбан).

В Европе с языческим празднеством зимнего солнцестояния издавна была связана омела (кустарниковое растение, паразитирующее на ветвях других деревьев и имеющее зеленовато-белые плоды, которые появляются в середине зимы). Поклонение омеле известно со времен кельтов. Ее использование в качестве священного растения было характерно и для древних римлян (вспомним строки из стихов Иосифа Бродского: «Провинция справляет Рождество. / Дворец наместника увит омелой...» [60: 27]). Языческое происхождение поклонения омеле подтверждается тем, что христианские священники долгое время не разрешали вносить ее в церковь. Даже в наше время омелой (а также остролистом, плющом и хвоей) украшают по преимуществу жилые дома, в то время как «другой зеленью — падубом, плющом, самшитом — украшают как дома, так и церкви» [181: 86]. Только в Англии, где культ омелы особенно распространен, на Рождество ее вьющимися ветвями украшают и жилые дома, и церкви. В основании до сих пор существующего у англичан мистического отношения к омеле лежит идея вечной жизни [см.: 538: 230].

В космогонических мифах (то есть в мифах, объясняющих происхождение и устройство мира) у всех народов присутствует образ мирового дерева, «где оно рассматривается как опора, обеспечивающая стабильность миропорядка» [406: 12]. Организация мира свершилась благодаря превращению мирового дерева в космическую опору. В мифологических сказаниях оно всегда помещается в сакральном центре мира и занимает вертикальное положение, отчего вертикаль стала преобладающей чертой, определившей структуру вселенского пространства. В мировом дереве выделяются три составляющие его части: корни, ствол и ветви, каждая из которых соотносится с определенными мифологическими персонажами. С помощью мирового дерева, «воплощающего, — как отмечает В. Н. Топоров, — универсальную концепцию мира», описываются все его основные параметры [457: 398].

Одним из вариантов мирового дерева является древо жизни, главный смысл которого состоит в хранящейся в нем

Корень 10.

«Адам и Ева вкушают от запрещенного плода» из Лицевой Библии Вас. Кореня (между 1692 и 1696) // Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Атлас. Т. 1. СПб., 1881. № 376. Нью-Йоркская публичная библиотека

жизненной силе. В образе древа жизни отразились представления о библейском дереве, посаженном Богом среди рая, вкушение плодов которого дает человеку бессмертие. Противоположностью древа жизни стал образ древа познания добра и зла; съедание его плодов делает человека смертным, лишая его райского блаженства. Именно это и случилось с Адамом и Евой после того, как они, искушенные дьяволом, попробовали его плод: Бог прогнал их из рая, и в результате древо жизни стало для людей недоступным [см.: 337: 8–9]. Впоследствии оба эти дерева — древо жизни

и древо познания добра и зла — соединились в одном мифологическом образе. В памятнике древнерусской письменности XVII века «Повести о Горе-Злочастии» Бог «запрещает вкушать плода виноградного от едемского древа великого». Тот же образ встречается и в других фольклорных и древнерусских текстах: в «Стихе о Голубиной книге», в апокрифах, в народных (лубочных) картинках. В Средние века шли жаркие споры о том, какой породы было райское древо познания добра и зла: одни называли яблоню, другие — апельсиновое дерево, третьи — виноградный куст. У германских народов считалось, что райским деревом была ель, которая со временем и превратилась у них в символ древа жизни. Райское древо, увешанное плодами, изображалось в священных книгах и на иконах. Из европейских средневековых мистерий, представляющих райскую жизнь, этот образ перешел в украинские, галицкие, польские и румынские колядки.

Наряду с легендами о древе жизни и древе познания добра и зла была распространена возникшая в X веке богемильская легенда о крестном древе. Согласно этой легенде, Моисей на пути в Египет посадил чудесное дерево, сплетя воедино три растения: ель, кедр и кипарис, в результате чего вода в текущем поблизости источнике стала сладкой. И тогда ангел возвестил о том, что посаженное Моисеем дерево станет спасением и «жизнью мира», потому что на нем распнут Христа. Пожелав сделать из этого дерева храм, Соломон срубил его, но, поскольку древесина оказалась непригодной для строительства, срубленное дерево так и осталось лежать на прежнем месте. Впоследствии именно из него были сделаны кресты, установленные на Голгофе для распятия Христа и разбойников [см.: 337: 8–9].

В средневековой культуре существовало также представление о «чудесном древе»: искусно сделанном дереве, на ветвях которого поют механические птицы. Основанием для возникновения в памятниках письменности образов чудесных деревьев, по мнению А. Н. Веселовского, служили «действительные чудеса средневековой механики, быстро ставшие предметом легенды, которая, в свою очередь, могла давать краски для их изображения. При дворе халифов красовалось

дерево, сделанное из золота и серебра и расходившееся на 18 ветвей», на которых среди серебряной и золотой листвы сидели металлические птицы. В них был заложен механизм, заставлявший их петь, а ветви дерева — колебаться [74: 51–52].

В одном из сказаний о византийском царе Михаиле, правившем в X веке, есть рассказ о золотом дереве, находившемся рядом с его престолом и бывшем символом царской власти: «...на золотом древе птицы золотые и серебряные, а поют различными гласами». Услышав об этом дереве, другие цари послали с дарами к Михаилу своих послов, чтобы на основе их описаний сделать такие же деревья в своих царствах. Однако создать их так и не удалось, и тогда к Михаилу отправили послов с предложением продать золотое дерево или же поменять его на несметные богатства: «на царства и города, на золото и серебро довольно». Но византийский правитель решительно отказался продавать дерево и велел послам передать своим царям, что, видимо, они, обещая ему за дерево «царства, и города, и золото, и серебро», считают себя «многообразными и многомысленными, а его неразумным» [74: 55].

Золотое дерево упоминается и при описании чудесного органа. Когда его меха приводились в движение, сидящие на дереве искусственные птицы начинали петь «на разные тоны», в то время как четыре ангела с золотыми трубами, извлекавшие из них тонкие звуки, показывали рукой на изображение Страшного суда, как бы призывая усопших к воскресению. Образ чудесного крестного дерева с поющими на нем птицами, являющегося символом христианства или всего мира, часто встречается в легендах и сказаниях.

Характерное для всех народов почитание деревьев, зажигание на них огня и украшение их, а также представление о ставшем основой миропорядка мировом древе (вариантами которого являются древо жизни, древо познания добра и зла и чудесное дерево) и послужили основой возникновения обычая рождественской елки.

КУЛЬТ ДЕРЕВЬЕВ НА РУСИ

У восточных славян, а потом у русских особо почитаемым деревом стала береза, хотя предметом поклонения бывали и деревья других пород (дуб, сосна, ель). Предпочтение, отдаваемое березе, в значительной мере объясняется ее широким распространением на территории Среднерусской равнины, а также тем, что дерево это, распускающееся весной раньше других, воспринималось как средоточие животворных сил. Поскольку береза, в отличие от хвойных деревьев, сбрасывает на зиму листву, ее использование в календарной обрядности соотносилось не с зимним, а с весенним и летним сезонами. Символизируя возрождение жизни, береза превратилась в объект особого почитания поздней весной, в период весенних (или зеленых) Святок, после принятия христианства совпавших с Троицкой неделей, приходившейся по старому календарю на конец мая или же начало июня. Именно в это время, когда даже в северных районах листья на березе уже распускаются, сохраняя весеннюю свежесть и аромат, она и становилась центром обрядовых действий.

Весенние Святки праздновались обычно на лоне природы: в лесах и рощах, на берегах рек, озер, прудов — там, где росла береза. Участники действия (по преимуществу молодежь) украшали только что распутившиеся ветви, «завивали» их и с песнями водили вокруг дерева хороводы. «Завивание» березки состояло в завязывании ее веток таким образом, что получались венки. Иногда нижние ее ветви сплетали с травами, для того чтобы передать траве и земле животворную силу только что распутившегося дерева.

Древлеобраза Кумиливъ Песня. 17 Февраль 1868 г.

ИВЪ СНИ АН.

Литъ въ Литограф. Е. Яковлева Машинной часъ въ кааръ: въ д. Яковлевоу.

Ай во поле! ай во поле!
Ай во поле липанька!
Подъ липою, подъ липою
Подъ липою вѣтъ шатеръ
Въ томъ шатрѣ стоить стоятъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица

Рвала цвѣты со травы
Вывла вѣнки съ городы
Кому вѣнокъ носить!
Носити вѣнокъ старому
Старому вѣнокъ не носить

Мою молодость не свережъ
Ай во поле липанька!
Подъ липою вѣтъ шатеръ
Въ томъ шатрѣ стоить стоятъ
За тѣмъ столомъ дѣвица!

Рвала цвѣты со травы
Вывла вѣнки съ городы
Кому вѣнокъ носить!
Носити вѣнокъ молодку
Молодкѣ тотъ вѣнокъ носить
Мою молодость свережетъ

Праздник Семик. Лубочная картинка «Ай во поле! Ай во поле!
Ай во поле липинка!...». [Москва]: Литограф. Е. Яковлева, 1868.
Российская государственная библиотека

Из березовых ветвей плели венки и бросали их в реку, что стало одним из самых распространенных способов гадания в этот период года. Бросив венок в воду, девушки следили за тем, как он плыл по течению, отмечая, потонет он или нет, прибьется к берегу или же беспрепятственно уплывет вниз по реке. Так они стремились угадать свое будущее: утонувший венок предвещал близкую смерть той девушке, которой он принадлежал; венок, прибитый к берегу, свидетельствовал о том, что в текущем году его владелица не выйдет замуж, а венок, уплывший по течению, означал предстоящее в ближайшее время замужество.

В лесу около березки девушки «кумились» — целовались через березовые венки и обменивались крестиками, что означало вступление в духовное родство. Этот обряд в разных местностях имел свои особенности. По воспоминаниям А. А. Фета,

в Троицын день шли... в лес завивать венки и кумиться. Последнее совершалось следующим образом: на ветку березы подвешивался березовый венок, и желающая покумиться женщина вешала на шнурке в середину венка снятый с шеи тельник; затем кумящиеся становились по обе стороны венка и одновременно целовали крест с двух сторон, целуясь в то же время друг с другом [474: 73].

На Троицу березку, обряженную лентами, платочками и яркими тряпочками, срубали и с песнями несли в деревню, обходя с ней все дворы, после чего сжигали или бросали в воду. Принято было также, срубив березовое деревце (или же его ветки), приносить его в избу и ставить в красный угол, что должно было способствовать свершению в семье благоприятных событий и отгонять злых духов.

Особое пристрастие русских к березе живо до сих пор. Это дерево с яркой листвой, нежным свежим запахом и белым в черных крапинках стволом считается в России эталонном растительной красоты: «Любимое дерево русских песен и русских обрядов — березка» [360: 56]. С 20-х годов XX века начинается «массовое вторжение березы в литературу», чему, по мнению В.В. Иофе, способствовал Сергей Есенин, благодаря которому «береза, как главное символическое дерево России, прочно обосновывается в поэтическом пейзаже русской поэзии» [171: 255]. Постепенно береза превратилась в растительную эмблему русских, что нашло отражение во многих народных и авторских песнях, в стихотворениях, кинофильмах, в массовой культуре. В кинофильме Василия Шукшина «Калина красная» герой, только что вышедший из заключения, останавливает машину рядом с березовой рощей и бережно гладит стволы березок, разговаривая с ними и лаская их. В телесериале начала 1970-х годов «Семнадцать мгновений весны» советский разведчик Штирлиц, увидев у шоссе березовую рощу, также выходит из машины и долго лежит под березами, напомнившими ему родину. В советское время именно «Березками» повсеместно назывались валютные магазины, кафе и рестораны. Напомню также о широко известном, образованном в 1948 году хореографическом ансамбле «Березка». Все это в некоторой мере

испошило сам образ: по поводу пресловутого культа этого «русского» дерева Илья Эренбург однажды иронически заметил: «Береза может быть дороже пальмы, но не выше ее» [цит. по: 66: 45].

Наряду с почитаемыми в народной культуре существуют и проклятые деревья, вызывающие отрицательные эмоции. Таково, например, восприятие русскими осины, которая в их представлениях связывается с низшим миром. Неприятие осины объясняется скорее всего тем, что это дерево обычно произрастает в низких, глухих, болотистых местах, которые считаются прибежищем нечисти. Плотные, гладкие, мелкие листья осины из-за длинных черенков дрожат от любого, даже самого легкого, дуновения ветра, что создает в осиннике характерный звуковой эффект тревожного, сухого, почти металлического шороха и мелькающего движения, в соответствии с пословицей: «Одно проклятое дерево без ветра шумит» [113: II, 365]. И. С. Тургенев в рассказе «Свидание» писал об осине:

Я, признаюсь, не слишком люблю это дерево — осину — с бледно-лиловым стволом и серо-зеленой, металлической листвой, которую она вздымает как можно выше и дрожащим веером раскидывает на воздухе; не люблю я вечное качанье ее круглых неопрятных листьев, неловко прицепленных к длинным стебелькам [464: III, 241].

В русской поэзии «осина как была, так и осталась почти полным изгоем» [171: 247]. Согласно давнему обычаю, осинный кол вбивали в мертвецов, считавшихся вурдалаками (вампирами), выходящими, по народным верованиям, из могилы и пьющими людскую кровь. При этом тело мертвеца поворачивали лицом вниз, к земле, а кол вбивали в спину, чтобы впредь вурдалак не мог вылезти из могилы. Считается также, что именно на осине повесился Иуда, отчего ее и стали воспринимать как дерево самоубийц: «Хоть самому на осину, прости Господи!..» — думает отчаявшийся бедняк в рассказе И. А. Бунина «Нефедка» [65: 138], а Ф. К. Сологуб в стихотворении 1886 года писал:

Трепещет робкая осина,
Хотя и легок ветерок.
Какая страшная причина
Тревожит каждый здесь листок?

Предание простого люда
Так объясняет страх ветвей:
На ней повесился Иуда,
Хриstopродавец и злодей.

А вот служители науки
Иной подносят нам урок:
Здесь ни при чем Христовы муки,
А просто длинный черенок. [430: 87]